

СТАРАЯ
ДОБРАЯ...
Россия

ВЕРА ЖЕЛИХОВСКАЯ

Майя

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1
Ж51

Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Желиховская В.

Ж51 Майя : сборник / Вера Желиховская. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 480 с. — (Старая добрая...).
ISBN 978-5-389-28461-6

Юная Марья Ринарди, которую в семье зовут Майей, всегда была необычным ребенком. Дикарка и затворница, она предпочитала суетному обществу людей собственный мир, населенный причудливыми созданиями. Отец ее, профессор Ринарди, души не чаял в дочке, которая сызмальства поражала всех глубокими знаниями и многими талантами. И вот Майе исполняется шестнадцать — и за ее душу начинается борьба двух могущественных сил, Белого и Темного братств... Волшебная атмосфера мистической повести «Майя» сохраняется и в рассказах, пронизанных святочной магией, древними легендами и верой в торжество справедливости.

Вера Желиховская (1835—1896) — русская писательница, сестра Елены Блаватской, работала в жанрах детской, исторической и мистической прозы. В сборник включен ее оккультный роман «Майя», а также повести и рассказы о сверхъестественном, русские и кавказские предания.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-389-28461-6

© Оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

МАЙЯ

Глава I

Родители Франца Ринарди были космополитами, но сам он, как это часто бывает, родившись и служа в России, считал себя русским. До сорока лет он жил в Петербурге, где между товарищами-профессорами и немногими знакомыми приобрел репутацию чудака и мистика. Раз летом был он на Иматре, поехал к родственникам в имение да там и влюбился в красивую, болезненную девушку и совершенно неожиданно для самого себя возвратился женатым. Семейной жизнью, однако, профессор наслаждался недолго; через год жена его родила дочь, а недель через шесть после того умерла без всякой определенной болезни. Ринарди чуть с ума не сошел. Он заперся, бросил службу, ударился в спиритизм, только что ввезенный в Россию Юмом иностранный продукт мистицизма; жизнь свою наполнил материалистическими проявлениями духовного мира.

Первые два-три года вдовства Ринарди жил лишь благодаря связи с умершей женою. Не будь этих письменных общений, а порою и видимых ее явлений, укреплявших в нем убеждение в необходимости жить ради вечного единения душ их в будущей жизни, он

в первые же дни наложил бы на себя руки. С течением времени он успокоился. Жена успела внушить ему также убеждение в плодотворности занятий научных; вселить в него охоту вновь взяться за свое старое дело, обещавшее привести его к величайшим результатам, к открытию сокрытой доныне, но великой силы природы. Повинуясь воле жены, ее внушению, Ринарди предался научным штудиям и опытам и скоро забыл весь мир в своей лаборатории.

Раз ночью, когда он не спал, а лежал, думая о супруге, ожидая ее появления, он услышал возле себя движение, почувствовал дуновение воздуха на лице своем — верный признак ее присутствия; но в полусумраке ясной ночи видение не появлялось... В тревоге поднялся Ринарди, сел и осмотрелся вокруг в тоске напрасного ожидания.

Вдруг словно долгий вздох пронесся по длинной анфиладе прадедовских покоев, и из залы, где стоял рояль покойной жены профессора, раздался тихий, созвучный аккорд...

Ринарди вскочил, простирая руки туда, к дверям, готовый броситься ей навстречу. В ушах его раздался знакомый шепот.

— Франц! Я здесь, я всегда рядом, — говорил голос. — Но больше ты меня не увидишь: моя грубая оболочка все дальше от меня уходит!.. Мне все труднее, милый мой, даже для тебя, привлекать и соединять ее распадающиеся начала. Я не могу их долее удержать, а ты не сумеешь меня долее видеть своим

человеческим зрением. Быть может, вскоре перестанешь и слышать, но не горюй! Не горюй, милый мой: между тобою и мною звено... Ты скоро убедишься, что мы неразлучны...

Голос замер, последние слова Ринарди едва уловил. И почти без памяти упал на кровать.

Утром он встал как опьянелый. Сел за письменный стол, но не мог сосредоточить мыслей. К профессору привели его трехлетнюю дочь, бледного белокурого ребенка с задумчивыми, широко раскрытыми черными глазами, как у ее покойной матери. Девочка уж порядочно лепетала на двух языках, но отец мало ею занимался. В это утро он едва взглянул на малышку. Ему тяжело было ее видеть!

Няня увела ребенка в сад.

Дом, где жили они теперь, в родовом имении покойной жены профессора, был старинный, каменный. Ринарди безвыездно обретался в этой деревне.

Время было летнее, окна и широкие стеклянные двери в смежной гостиной были открыты в сад; из цветника веяло резедой и левкоем, доносилось чириканье птиц, а порою жужжание пчел, подлетающих к окнам, увитым зеленью; не слышалось только людских голосов, ребячьего смеха или лепета. Няня-швейцарка была погружена в чтение; маленькая русская служанка, приставленная к барышне для забавы, болтала в стороне, у калитки, с горничной. Девочка сидела одна на нижней ступеньке крыльца, смотрела

кругом вдумчивым взглядом, иногда улыбалась сама себе, бормотала что-то неслышное и снова задумывалась, будто к чему-то прислушиваясь... Вдруг она встала и побрела к пестрым грядкам.

А Ринарди по-прежнему сидел у своего стола, не понимая, что делать и за что приняться. Он сам не знал, сколько времени прошло так. Вдруг он встрепенулся. Милый детский голосок заставил профессора обернуться к двери. Там стояла его маленькая дочь и, с улыбкой глядя вверх, как обычно смотрят дети в лица стоящих возле них взрослых людей, говорила:

— Ему?.. Папа?.. Хорошо! Я дам.

Она быстро засеменила ножками и, поравнявшись с отцовским креслом, сказала, подавая ему крепко зажатый в ручонке белый нарцисс:

— Бери! Мама дала...

Ринарди вскочил.

— Мама дала?.. Мама?! Где мама? — шептал он побелевшими губами.

— Вот мама! — просто отвечала девочка и, смеясь, указывала ему на дверь.

Секунду профессор колебался, шатаясь и едва держась на ногах, потом сделал два-три шага к дверям, вернулся, весь дрожа, схватил ребенка на руки и, прижимая его к груди своей, повторял, как безумный:

— Мама! Твоя?.. Наша мама!.. Ты ее видишь?

— Маму? Да! Вот она... Она всегда с Майей. Майя ее любит!

Малышка отстранилась от плеча его и будто прикорнула рядом на другой родной груди, соединяя обоих в одной ласке.

Испуг и недоумение превратились в блаженную улыбку на лице ее отца; радостные слезы полились из глаз его, устремленных благодарно на дочь — на это видимое ему звено, соединявшее его с невидимой единственной любовью, ненадолго озарившей жизнь его счастьем.

С тех пор Ринарди стал почти неразлучен с своей маленькой девочкой. Он занимался в лаборатории, когда она спала; работал целые ночи напролет, чтоб иметь днем время побыть с нею. Он уносил свою Майю в сад, в лес, в поле, чтобы не выдать их тайны, чтобы свободно прислушиваться к лепету дочери, к тому, что та, в блаженном неведении, передавала ему о матери и от нее...

Но долго так продолжаться не могло. Необычайные способности ребенка не могли оставаться тайной для других: они слишком искренне, слишком часто и явно проявлялись во всем и со всеми, а общее неведение, слепота и глухота всех к тому, что духовному слуху и зрению девочки было открыто, не могли ей наконец не открыться... Марья — или Майя, как называли ее близкие, с тех пор как первый детский лепет окрестил девочку этим именем, — скоро поняла, что есть в ней нечто особенное, дивящее и пугающее людей. Она стала их сторониться, скрывать свои мысли, полюбила одиночество и в пять-шесть

лет сделалась совсем дикаркой. Даже с отцом она не любила говорить о том, что ее занимало. Да и он часто не понимал ее, не всегда мог сдержать удивление, скрыть невольное недоверие к ее рассказам.

Позже Майя свыклась с необходимостью осторожно разговаривать с людьми и перестала их бояться. Она только смотрела на них с недоумением, печально удивляясь чужой слепоте и лишь усмехаясь в ответ на соболезнования по поводу ненормальности жизни в этой глухой деревне и полном одиночестве. Одиночестве!.. Майе было смешно слышать это бессмысленное слово. Она жалела обездоленных людей, слепцов, не понимающих, что нет в переполненной жизнью природе одиночества, как нет и смерти у Живого Бога живых!

Глава II

Майя никогда правильно не училась, потому что учителя, а в особенности наставницы редко уживались более нескольких месяцев «при этой безумной девочке, в этом заколдованном доме». Так аттестовало все соседство имение, где жили Ринарди, и его будущую владелицу.

Напоследок никто туда и вовсе ехать не хотел; да и, по правде сказать, с четырнадцатилетнего возраста Майи о ее образовании и думать перестали. Кому оно было нужно? Отец и без учения находил в ней бездну премудрости; сама она не видела никакой нужды учиться для общества, для света, которых она не знала и не хотела узнавать. Для самой же себя Майя много и неутомимо общалась с учителями, ей одной ведомыми. Кто бы они ни были, эти учителя, но воспитанница их преуспевала в науках, о существовании которых девушки обыкновенно не подозревают. Впрочем, она и сама вряд ли подозревала, что их знает, а уж о названиях своих штудий положительно не имела понятий. Знания приходили словно сами собой, точно так же, как и таланты: музыка, живо-

пись — все ей давалось, но не так, как другим, не по правилам, а как-то сразу, неожиданными наплывами, будто с неба валилось или будто тайный проводник ловко и смело водил руками Майи по клавишам, по рисунку. Нот она почти не знала и редко играла вещи, которые обыкновенный человек мог признать за музыку, записанную нотами или когда-либо слышанную. А между тем Майе не было еще шестнадцати лет, когда ее игрой заслушивались знатоки.

Точно то же происходило и с живописью. Майя никогда не училась рисовать, однако никто не мог бы этому верить, глядя на ее мастерские эскизы цветов, видов, необыкновенных растений и еще более необыкновенных созданий. С десяти лет девочка начала испещрять альбомы изображениями идеальных или чудовищных форм, напоминавших образы из мифологии сразу всех стран, верований и сказаний всех народов.

— И откуда у вас берутся такие дикие фантазии? — спросила ее раз вновь поступившая гувернантка.

— Как откуда? — засмеялась Майя. — Да я таких всюду вижу: я ведь списываю с натуры!.. Вот эта прелестная девочка-мотылек с тех пор, как я себя помню, каждый день прилетает ко мне. Мы и сегодня, пока вы заперлись в своей комнате, летали с нею по всему парку, высоко! Выше деревьев и через речку... А вот эту змею с высунутым жалом и козлиными рогами на лбу я видела вчера обвитой вокруг вас. Пра-

во!.. Да вы не бойтесь. Они везде живут, эти чудовища и разные уродцы — полузвери, полудухи, полуюди, кто их знает?.. Я и сама иногда не разберу. Но зло они только тем могут сделать, кто их приголубит, кто сам полюбит их и с ними нянчится...

Гувернантка смотрела на Майю в недоумении и ужасе.

— Вы бредите! Или сочиняете сказки? — бормотала она.

— Не брежу и не сочиняю, — спокойно возразила девочка. — Я вам скажу, что такое эти гады и смешные уродцы, которые толпятся между людьми: это наши пороки, наши дурные чувства и желания! Ничто не проходит бесследно в природе: все наши мысли летают вокруг нас, но не каждый видит их, как вижу я, — я знаю!.. Прежде мне казалось, что другие нарочно скрывают это...

— Несчастливая девочка! — испуганно прервала ее гувернантка. — Лучше бы вы скрывали свои галлюцинации. Вы больны, вам надо лечиться!

— Нет, я здорова, но все остальные люди ненормальны. Они не сохранили духовного зрения, которое прежде было у всех, а теперь редко кому достается... Я с ним родилась! — вздохнула Майя.

— Боже милостивый! Да откуда вы все это берете? Эти фантазии, эти слова... Кто научил вас всему этому?

— Кассиний! — просто отвечала девочка.

— Кассиний?.. Кто такой Кассиний? — изумилась наставница. — Я не знаю его. Кто он? Учитель?

— Учитель! Великий учитель — не такой, как другие. Но и его никто не увидит, кроме меня, пока он сам того не захочет. Вот он, возле меня... Что? — Майя вдруг подняла голову, будто вслушиваясь, и рассмеялась.

Гувернантка отступила в страхе.

— Да не бойтесь же!.. — вскричала Майя. — Я смеюсь от того, что он сказал мне сейчас... Он увидал, что вы о нем подумали: «Надо его удалить! Сказать отцу ее, чтоб тот его прогнал!» А его нельзя прогнать. Скорее все меня оставят, все уйдут, но не он!

«Да, уж я-то непременно уйду!» — подумала гувернантка и в ту же секунду еще решительнее утвердилась в этом намерении, потому что Майя, не отрываясь от рисования, за которое вновь принялась, опять рассмеялась и сказала:

— Ну и бог с вами! Я знаю, что долго жить возле меня обычные учителя и гувернантки не могут. Кассиний говорит, что они мне и не нужны, что сам он всему меня научит.

И точно, не с руки было наставникам учить такую девочку. Отец ее наконец сам убедился в том и предоставил Майе полную свободу. Вскоре он даже уверился, что не ее надо учить, а у нее учиться многому: необычайные духовные силы и дарования доче-

ри часто указывали Ринарди пути и средства, когда собственных знаний ему недоставало. Если он начинал сбиваться в понимании на том скользком рубеже, где кончается область положительных наук и ученый волей-неволей должен переступить грань, отделяющую мир материальный от тех духовных, высших сфер, где созревают мировые законы природы, — пересечь ее или малодушно отступить и отказаться от предприятия, — тогда Ринарди прибегал к помощи дочери. Ясновидящая или сама определяла ему суть вещей, причем определяла пассивно, с помощью описаний картин, которые «видела», чертежей, значения которых сама не понимала, вычислений, которые опять-таки «списывала», видя их перед собою, а сама иногда и прочесть не умела. Или же просила времени для ответа и приносила его от лица своего «Белого брата», учителя Кассиния, — устно или письмен-но, смотря по сложности вопроса.

Кто же был этот таинственный учитель?

Ни профессор, ни даже сама Майя того не знали. Но все в доме давно привыкли к его имени, к его влиянию.

Майе было семь лет, когда она тяжело заболела. Болезнь, по определению выписанных из столицы лучших врачей, была смертельна; о выздоровлении не могло быть и помысла: гибель ребенка была лишь вопросом времени...

Когда прозвучал страшный приговор, Ринарди почувствовал, что почва вырвана из-под ног его, что он

падает, летит в какую-то бездонную, беспросветную бездну... Последней сознательной мыслью его было: «Только бы не сумасшествие! О, если б умереть!» Затем он ничего ясно не помнил: что делал, где был несколько времени. Часы прошли или минуты, профессор не знал. Он очнулся среди глубокой ночи, в своем кресле у письменного стола. Часы, стучавшие перед ним в ярком свете лампы, прикрытой темным абажуром, показывали час. Сам ли Ринарди, другой ли зажег лампу и перед ним поставил, он тоже не знал. Очнувшись, профессор бесцельно смотрел перед собою на знакомые предметы, на стол, на свои бумаги, на светлый круг, отбрасываемый лампой, ничего еще определенного не сознавая, кроме тупой боли, сжимавшей сердце его, как в тисках.

«Да! — вспомнил он. — Надо идти! Майя умирает!»

И он поднялся. Но в эту минуту взгляд его упал на две строки, крупным, четким почерком написанные вкось на белом листе бумаги, в районе яркого света под лампой:

«Не верь. Она будет жива!.. Ее жизнь нужна не одному тебе... На радость иль на горе — но жить Майя должна».

Весь дрожа от волнения, профессор пригнулся к этим странным, сулившим ему спасение строкам и многожды перечитал их с биением сердца, со все

возраставшим восторгом, пока слезы счастья не затуманили его зрения. Тогда он оторвал уголок бумаги с надписью, спрятал его на груди своей и неверными шагами, опьяненный радостью, не смея еще ей вполне верить, прокрался в комнату дочери.

Майя спала, спокойно дыша; возле нее дремала няня.

Ринарди отослал няню спать, сказав, что сам побудет с больной, и сел с намерением не смыкать глаз, но не успел опомниться, как уже крепко заснул.

Он проснулся утром от луча солнца, блеснувшего ему из-за шторы окна, вздрогнул и устремил испуганный взгляд на дочь. Девочка сидела в своей кровати, играя свежими, только что сорванными цветами, переглядываясь с кем-то невидимым и улыбаясь ему.

— Папа! Иди сюда, — смеясь, позвала Майя. — Вот Белый брат говорит, что ты ленивый! Проспал такое славное утро... А он давно принес мне цветов и говорит, что я скоро буду здорова и сама буду рвать их.

С той поры Белый брат, незримый учитель, стал неразлучным спутником дочери профессора. Она рассказывала о нем отцу, описывала его, уверяя, что он «такой же человек, как и все, только очень добрый и очень умный».

— Спроси его, дитя мое, — сказал ей раз отец, когда Майя была уже совсем здорова, — он ли уте-

шил меня, пообещав, что ты будешь жива, написав вот это? — И профессор вынул из записной книжки никогда не покидавший его обрывок бумаги. Но прямого ответа не получил.

— Кассиний говорит, что тебе должно быть все равно, кто бы это ни написал, — отвечала девочка.

Глава III

Под влиянием своего таинственного друга и благодаря чудесам природы, ей доступным, Майя стала развиваться не по дням, а по часам. Вскоре поняла она вещи гораздо более сложные. Кассиний сумел внушить девочке убеждение, что незачем рассказывать без нужды о необыкновенных ее дарованиях; нехорошо, даже опасно величаться ими и хвастаться ради забавы, но также нет причины унывать, смущаться своим ясновидением, задумываться над собой, как над загадкой.

«В мире ничего нет сверхъестественного! — внушал он ученице. — Это пустое, бессмысленное слово... Все естественно — но не всем все доступно. Не всем дано знать тайны природы, а там более овладевать ими. Мало видящих и слышащих, но блаженны одаренные духовным оком и слухом, если они не злоупотребляют своими великими дарами».

Вскоре после выздоровления маленькой барышни няня ее вбежала раз к профессору бледная, перепуганная, крича, что подопечная ее пропала.

Ринарди вышел к няне встревоженный. Хоть он и привык ко всевозможным чудесам, случавшимся

Литературно-художественное издание / Әдеби-көркем басылым

ВЕРА ЖЕЛИХОВСКАЯ

МАЙ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Светлана Лисина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 02.04.2025.
Формат издания 76 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 22,8. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басылп шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

R-GLD-37539-01-R